

П.Е. Прокопьева

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

О семантике и роли припевных слов *йѳулугэ, иилугэ, танэ* в фольклорных песнях лесных юкагиров

Аннотация: В статье рассматриваются значения припевных слов *йѳулугэ, иилугэ, танэ* в фольклорных песнях лесных юкагиров. Делается вывод о том, что это модальные и междометные слова. С помощью *иилугэ* и *йѳулугэ* авторы создают особый эмоциональный фон произведений, передают свои чувства и переживания. Эти слова несут смысловоразличительную функцию по отношению к содержанию. В песнях и хороводном танце юкагиров *танэ* и *танэ-йѳо* используются для подтверждения высказывания.

This paper discusses the meanings of the refrain words *youluge, iiluge, tane* in folk songs of Forest Yukaghirs. A conclusion is drawn that these are modal and interjectional words. By using the words *iiluge* and *youluge* the authors create a special emotional background of their songs and transfuse their feelings and emotions into their audience. These words perform a distinctive function in relation to the content. While singing and dancing in a ring, the Yukaghirs use the words *tane* and *tane-yo* to confirm a statement.

Ключевые слова: лесные юкагиры, песенный фольклор, припевные слова, модальные и междометные слова.

Forest Yukaghirs, song folklore, refrain words, modal and interjectional words.

УДК: 39(=554)

Контактная информация: Якутск, ул. Сосновая, 4. ИГИиПИМНС, сектор палеоазиатской филологии. Тел. (4112) 360197. E-mail: pproe@yandex.ru.

Фольклорные песенные произведения лесных, верхнеколымских, юкагиров нередко включают припевные слова *йѳулугэ, иилугэ, танэ*, которые встречаются как в означенных формах, по одному, так и в различных вариациях: *йѳулугэ-йѳо, иилугэ-йѳо, танэ-йѳо, йѳулугэ танэ, иилугэ танэ*. Из песен видно, что эти слова не вступают в сочетания с другими словами и не являются членами предложений. Создается впечатление, что они, будучи частью текста, служат его словесно-музыкальным оформлением.

При переводе юкагирских песен на русский язык исследователи, как правило, приводят эти слова в оригинале:

*Пиэ эндэгэпэгэт йар(а)ха пойнас'ил түдэ ожийгэл(ь)э,
Йархадан [э]ммэй ойл (да) миидьэ чурудьа (а)хонтас'инум,
(Илугэ-йѳо, илугэ-йѳо)¹ ...*

‘С подножия гор, подобно сверкающей белизне льда, свои воды
Ярхадана-матушка с течением неторопливо несет,
Илугэ-йѳо, илугэ-йѳо’

[Игнатьева, 2005, с. 111];

¹ Знаки в приведенных фрагментах даны в соответствии с текстом статьи автора.

*Хорхон эммэй йолуга-йо, мит йуу-кодъун-(го-ау)
 Эйриэнуол йолуга-йо танэ йунго-(йо-о-аэ)
 Талбан-эммэй исьэнгэйо мит йодэййо эйриэнуной
 Йолугэ танэ йолуга-йо, йолугада та-э-аэ-э.
 ‘По Коркодону-матушке, йолуга-йо, мы маленькими
 Бегали, йолуга-йо танэ йунго-йо-о-аэ
 По Столбовой-матушке, на ее вершине, играя, мы бегали (ходили).
 Йолуга танэ йолуга-йо, йолугада та-э-аэ-э’
 [Игнатъева, 2005, с. 114, с. 115].*

Несомненно, что припевные слова несут определенную семантическую нагрузку, а их распространенность в отдельных песенных композициях указывает на их значимость для внутренней и внешней форм произведений. Касательно песенных слов *йөулугэ* и *ишлугэ* музыковед Т.И. Игнатъева верно отмечает, что они связаны с понятиями ‘жалость’ и ‘скучать (по кому-, чему-л.)’ соответственно, отсюда выводится факультативное название жанра лирической песни *йолуга* у верхне-колымских юкагиров [Там же, с. 52]. Относительно семантики слова *танэ*, содержащегося, помимо песен, в словесно-музыкальном сопровождении юкагирского хороводного танца, до сих пор не было высказано ни одного предположения. Данная статья ставит своей целью уточнить значения слов *йөулугэ*, *ишлугэ*, *танэ*, их функции и место в традиционной поэзии на основании анализа языковых данных и комментариев по этому поводу носителей языка лесных юкагиров.

Йөулугэ. Немногочисленные языковые материалы свидетельствуют о том, что с основой *йөулуу-* представлены глагол, модальное слово *йөулугэ* и междометное *йөулугэ-йо*, имеющее в своем составе усилительную частицу *йо (=йүо)*:

АдиН уөрнэ адиН шоромоНин йөулууНи, тудэдьиэ лъэНи ‘Этот человек этих детей жалеет, одни живут’ [МА 2012, А.Е. Шадрина (1930 г.р.)¹]; *Йөулугэ, тудэдьэ поньоой* ‘Бедняжка, один остался’ [МА 2010, А.Е. Шадрина]; *Йөулугэ-йо, тудэгэлэ чүөтэ винишнуНа* ‘Бедняжка, его все время обвиняют’ [МА 2010, А.Е. Шадрина.

Зафиксирован случай (в песне), где *йөулугэ* выступает в роли существительного во мн.ч.:

*Йолугэпул мит понодьэ танэ эйриэнунол йо-аэ
 ‘Бедняжки, мы молодыми танэ кочевали (ходили)...’
 [Игнатъева, 2005, с. 115]*

Сообщения знатоков языка удостоверяют в том, что значение слова *йөулуу-* не ограничивается смыслом «жалеть»: его, по всей видимости, надо определять как полисемант. Например, предложения: *Тудэл титтин йөулисъ* ‘Они его жалеют’, *Тэт мэтин йөулисъэк* ‘Я тебя жалею’ – А.Е. Шадрина перевела еще и как: ‘Он им нравится’, ‘Ты мне нравишься’ [МА 2012]. От нее также ранее было записано следующее предложение: *Иркин күйиэ йөулисъ тэтин* ‘Один парень тебе нравится’ [МА 2011]. Как следует из пояснений А.Е. Шадриной («он мне нравится, я его жалею от души»), значения *йөулуу-* ‘испытывать жалость к кому-н.’, ‘испытывать симпатию к кому-н.’² соотносятся, то есть по сути слово является многозначным.

Для понимания единства этих семем важно другое замечание информанта: по утверждению А.Е. Шадриной, слово *йөулуу-* связано со словом *йөульэтльэ-* ‘любить’, которое ассоциируется с любимым, дорогим, с тем, что вызывает любовь, жалость [МА 2012]. Это толкование находит подтверждение в юкагирско-

¹ МА 2012, А.Е. Шадрина – Материалы автора, год записи, далее указан информант.

² В современном языке лесных юкагиров в значении «нравиться» наиболее употребительно слово *анурэ-*.

русском словаре И.А. Николаевой и В.Г. Шалугина, где для *йөүльэтлэ*- даны значения: 1) жалеть; 2) любить; 2) нравиться [Николаева и др., 2002, с. 28]. Морфосемантическая связь слов *йөүлү*- и *йөүльэтлэ*- находит доказательство в языке тундровых юкагиров, где глагол *йэвлиги*¹- обозначает 1) любить, 2) приласкать, 3) жалеть, *йэвлуу*- – ‘быть милым, славным, привлекательным’, модальное слово *йэвлич* переводится как ‘жалко’ [Курилов, 2001, с. 143].

Наличие в смысловой структуре слова *йөүлү*- оттенка ‘испытывать симпатию к кому-л.’ объясняет возможность перевода *йөүлүгэ-йо* не только как ‘бедняжка’ (‘бедняга’, ‘бедненький’), но и ‘милый (-ая)’. Именно в последнем значении слово использовано в песне, записанной В.И. Иохельсоном в конце XIX в. у верхнеколымских юкагиров: «Его кости точно недавно выросшая молодая лиственница! Как хвоя одежда его красна. Милашка! Точно солнце!» [Иохельсон, 2005а, текст № 77]. Нужно заметить, что в языке юкагиров тундры слово *йэвлүгэ*, производное от основы *йэвлуу*-, тоже обладает значениями ‘бедняга’, ‘милый’ [Курилов, 2001, с. 143].

Предположительно, в содержание понятия *йөүлү*- у лесных юкагиров входит также значение ‘приласкать’ (ср. *йэвлиги*- у тундровых юкагиров), соответствующий значению «жалеть кого-л.». Так, в фольклорном тексте лесных юкагиров «Женщина и медведь» [Жукова и др., 1989, с. 24–27] обнаруживаются однокоренные иносказательные слова *эл йойло билилэл* ‘не приласкал’, *йойлодайльэлмэлэ* ‘приласкал’, которые употреблены в значении ‘не убил’, ‘убил’: «ту женщину не убил медведь»; «он девяносто девять медведей нашел и убил». Полагаем, что слово имеет тот же корень, что и *йөүлү*- (в языке верхнеколымских юкагиров наблюдается немало вариантов слов, особенно на фонетическом уровне, предопределенных существовавшими языковыми различиями), но его иносказательность здесь относится к обрядовому поведению юкагиров в сфере промысловой деятельности. Известно, что юкагиры никогда не спрашивали прямо о результатах охоты и не сообщали открыто о факте добычи, они задавали вопросы «что ты нашел?», «много ли животных ты встретил?» [Иохельсон, 2005б, с. 216], говорили животному «я тебя усыпил» [Прокопьева, 2009, с. 41].

Таким образом, под понятием *йөүлү*- понимается спектр чувств: ‘жалеть’, ‘симпатизировать’, ‘любить’, объединенных значением ‘испытывать нежные, теплые, добрые, трепетные чувства по отношению к кому, чему-л.’. Если обратиться к тематике юкагирских песен, то застывшие слова *йөүлүгэ*, *йөүлүгэ-йо*, которые примерно можно перевести как ‘как жалею’, ‘как жалко!’, присутствуют в песнях, где вспоминают о детстве, молодости, кочевках, родных местах, печалются о наступившей старости:

Мьамунчан-эммэй
Албэгэт(н) мит эйриэнол
Йолуга-э, йолугэ
Мит йу(н)косьоол
Эйриэнуол, йолуга,
Йолуга-ы...
‘Мяунджи-матушка,
Под горой мы ходили в давние годы
Йолугэ, йолугэ
Мы маленькими [детьми]
Ходили, *йолуга*
Йолуга’
[Игнатьева, 2005, с. 113, с. 114];

¹ В языке тундровых юкагиров буквой *в* обозначен звук [w].

*Шөндьильэльдэ йэлюодьэдиэ
 Укөйсидэгэ, йолугэ танэ,
 Илбуйдин, нумун илбуйтэм?
 Лигэмүллэ, йолугэ-йо,
 Йолугэ-йо, йолугэ-йо,
 Ходо льэдин омон льэдум
 Йолугэ, уөрэптиэ Нин, танэ йо,
 Йахтасил эт поньашу.
 ‘Когда весеннее солнышко
 Выходит, йолугэ танэ,
 Вытягиваю [песню], чем вытяну,
 Состарившись, йолугэ-йо,
 Йолугэ-йо, йолугэ-йо,
 Для чего просто существовать,
 Йолугэ, ребяташкам, танэ-йо.
 Песню бы оставить’
 [Прокопьева, 2009, текст № 14].*

Эти же слова свойственны лирике любовной [Иохельсон, 2005а, текст № 77; Шейкин, 2002, с. 490]. В целом, посредством них исполнитель проявляет свою любовь, сердечное отношение ко всему, что ему близко и дорого, выражает эмоции и состояние своей души, характеризующееся грустью, печалью и тоской по ушедшим годам, малой родине.

Иилугэ. Это слово однокоренное с *ишлугии-* ~ *илугии-* (перех. глаг.), *ишлугэ-льэ-* (неперех. глаг.), *ишлугэльэ-* (перех. глаг.), которые обозначают понятие «скучать, тосковать». В известных нам опубликованных материалах по фольклору и языку лесных юкагиров слов с основой *ишлугии-* не выявлено, слова с *ишлугэльэ-* дважды встречаются в одном песенном тексте. В этой любовной песне, зафиксированной В.И. Иохельсоном [Иохельсон, 2005а, текст № 89], находим следующие слова: *Митриэбич мэтин мони: «Эл ишлугэльэлэж* (подчеркнуто мною – П.П.), *кэйбэйэ лудьудиз-йарха будиэн кэлтэйэ»* ‘Дмитриевич мне сказал: «Не тоскуй, по тонкой пленке первого льда приду»’; *Чэйлугэ! Хадибон ла Ни ишлугэльэдум?* ‘Далеко! До каких пор тосковать буду?’ Несмотря на то, что иллюстративный материал для этих слов фактически отсутствует, их значения хорошо вычленяются на основе данных словарей [Иохельсон, 2005б, с. 452; Николаева и др., 2002, с. 22; Спиридонов, 1997, 29, 54, 56] и языковых примеров, специально приведенных носителем юкагирского языка (информант А.Е. Шадрина):

Мэт чомоо бото ишлугии мэт эпиэ. Ханьин тудэл кэлут? ‘Я очень скучаю по бабушке. Когда она придет?’ [МА 2010]; *Тэт уйлоол лэбиэ ишлугиинумэк?* ‘Вы скучаете по родине?’ [МА, 2011]; *Титтэл тудэ эмэйгэлэ чомо бото ишлугии На* ‘Они по своей матери очень скучают’ [МА 2012]; *Мэткэлэ нилги эл ишлугиим* ‘За мной никто не скучает’ [МА, 2012]; *Тудэл тудэ шоромоньулгэлэ ишлугиим* ‘Он по своим родственником очень скучает’ [МА 2012]; *АдиН уө тудэ эмэйгэлэ ишлугэльэ-иэм* ‘Этот ребенок по своей матери начал скучать’ [МА 2012]; *Эмэй тудэ уөрпэгэлэ ишлугиит ибэльэй* ‘Мать, по свои детям скучая, плачет’ [МА 2012]; *АдиН пайипэ ишлугилгэт амдэдин льэй* ‘Эта женщина от тоски (букв.: от скучания) погибает’ [МА, 2012]; *Мэткэ ишлугитэйоон өйлэ* ‘У меня нет того, по кому скучаю’ [МА; 2007]; *Мэт ишлугэльэйэ* ‘Я скучаю’ [МА, 2010].

Как показывают образцы, основа *ишлугии-* принадлежит переходному глаголу, *ишлугэльэ-* является основой как переходного, так и непереходного глаголов, от

ишлугиш- возможно образование деепричастия *ишлугишт*, субстантивированного причастия *ишлугитэйоон*, имени действия *ишлугил*.

Интересно, что лексико-семантическим вариантом слова *ишлугиш*-, по-видимому, может быть значение 'любить, испытывать большую симпатию к кому-л.'. При переводе предложения: *Мэткэ ишлугитэйоон өйлэ* 'У меня нет того, по кому скучаю', – информант добавила: «Значит, нет любимого, любви нет». Приводя пример: *Тудэл тэткэлэ ишлугиштэм*, – информант перевела его как: 'Он тебя будет любить', 'Он будет по тебе скучать' [МА 2012].

Что касается других однокоренных с *ишлугэ* слов, могущих внести ясность в вопрос о его смысле, то определенно к однокоренным с *ишлугиш*-, *ишлугэльэ*- надо причислить и слово *ишлугульэ* 'привет', употребляемое в форме существительного: *Эмэй тэтин ишлугэльэлэк йанмэлэ* 'Мама тебе привет шлет'; *Мэт тудин ишлугэльэлэк йаннумэ* 'Я ему привет посылаю' [МА 2012, А.Е. Шадрина]. *Ишлугульэ* можно буквально перевести как 'скучение по кому-л.'. Эта связь между словами отчетливо просматривается и объясняется на материале языка тундровых юкагиров, где *ишлугульэ* обозначает 'привет; душевное влечение и приятно-тягостная грусть, тоска по кому-л.' [Курилов, 2001, с. 86]. Вероятно, в вышеназванную группу однокоренных слов правомерно включить и атрибутивную форму *ишул* 'милый, дорогой', которая, видимо, может иметь буквальный перевод 'вызывающий приятную грусть':

*Кожэдэндиз адилиэ
Мигидэй йуөдайк.
Мэт ишул ньатльибиз
Чугуон ньасьадайк.
'Парень с Кожэдэн,
В мою сторону посмотри.
Милая куропаточка,
Быстрее вернись'*
[Прокопьева, 2009, текст № 20].

Также записана страдательная форма *ишоо*:- *ТаН шоромо мэтин ишоой* 'Тот человек мне симпатичен (мил)' [МА 2012, А.Е. Шадрина].

Припевные слова *ишлугэ* и *ишлугэ-йо* ('как скучаю', 'о, как скучаю!'), как и *йөулугэ*, *йөулугэ-йо*, используются в лирических песнях, наполненных тоской по милым сердцу краям, по прошедшей молодости, по ушедшим в иной мир сородичам:

*Унмун-эмэй, йуөлугэ,
Омон ходьибасишт о Ёоонуй,
Пиэн эмэйпэ киэлпэгэн, илугэ,
Ходо ходьибэт о Ёоонук.
'Колыма-мать, йуөлугэ,
Просто блесит-стоит,
Между горами-матерями, илугэ,
Блестя, стоишь'*
[Прокопьева, 2009, с. 100];

*...Ньямлит модот,
Ибилиэнундьишли.
Өйлээйэ кэнмэпэ, өйлээйэ кэнмэпэ,
Илугинундьишли, йо.*

Поньхараадиэ Ноот, ньанмаадиэ Ноот кудэт,

Мэт архаа о Босишуннук.

Чизьсэ илэйэ,

Чизьсэ илэйдэ

Чуруудьаа йархужэшинум.

Илугэ, илугэ-йо.

‘...Обнявшись, сидя,

Плакали.

О друзьях, которых нет,

Скучали, йо.

Березкой, тальничком став,

Около меня стой.

Холодный ветер,

Холодный ветерок

Слегка раскачивает.

Илугэ, илугэ-йо...’

[Там же, текст № 22].

Судя по имеющимся фольклорным материалам, слова *ишлугэ* и *ишлугэ-йо* присущи еще произведениям о любви, что в принципе становится понятным в свете рассуждений о наличии в них оттенка ‘скучать по милому, любимому’:

Мэт анурэл мархильгэлэ

Йархадан ньуулэ ньуутиильэ На.

Йархадан-эмэй оожиги

Пойнэй чэрууо титэ альбай.

Илугэ-йо, илугэ-йо, илугэ-йо.

‘Мою любимую девушку

Назвали именем Ярхадана.

Ярхаданы-матери водичка

Как белое серебро льется,

Ишлугэ-йо, ишлугэ-йо, ишлугэ-йо’

[Там же. Текст № 17].

Слова *ишлугэ*, *ишлугэ-йо* и *йөулугэ*, *йөулугэ-йо* иногда могут присутствовать в песне одновременно, но все же обычно одни из них преобладают. Эта избирательность лексики демонстрирует, что одна из функций слов *ишлугэ* и *йөулугэ* заключается в маркировании песенных жанров, в их тематическом различении. Данное свойство припевных слов было замечено исследователями этнической музыки юкагиров, которые допускают применение их в виде терминов для лирических песен определенного содержания [Игнатьева, 2005, с. 52; Шейкин, 2002, с. 490]. В осмыслении специфичных черт жанров песенной лирики большую роль играют характеристики песенных произведений с припевными вставками самих знатоков родного языка и культуры. По Т.И. Игнатевой, исполнительница Е.Н. Дьячкова для песен, посвященных воспоминаниям о молодых годах, кочевой жизни и красоте родной природы, в качестве синонима слову «пение» употребила слово *йөулуга* в значении «жалею, пою» [Игнатьева, 2005, с. 66–70.]. Разъясняя слово *ишлугэ-йо*, А.Е. Шадрина сказала, что оно бывает в протяжных песнях, «когда поют про любимых, когда скучаешь» [МА 2011].

Важно обратить внимание на то, что слова *йөулугэ*, *йөулугэ-йо*, *ишлугэ*, *ишлугэ-йо*, вставляемые в лирические песни, – это модальные, передающие субъективное отношение говорящего к высказыванию, и междометные слова, выражающие различные чувства. С их помощью исполнитель раскрывает свое эмоциональное

состояние, передает испытываемые им чувства любви и жалости к кому-чему-л., печали, тоски, сожаления. Эта лексика относится к сфере эмоций, переживаний, именно по этой причине она вошла в фольклорную лирику. В этом, очевидно, находит объяснение и то, почему указанные слова и однокоренные с ними слова практически не отражены в повествовательном фольклоре. Повествования лесных юкагиров большей частью соотносятся с мифологическими воззрениями и отличаются немногословностью и лаконичностью. Исторический и бытовой фольклор народа ориентирован на воспроизведение событий отдаленного и недавнего прошлого, и в нем тоже нет слов субъективной оценки и настроения. Лирическая поэзия, напротив, составляла ту область фольклорного творчества, где дозволялось открыто говорить о душевных переживаниях и выражать личное отношение к тому, о чем сообщалось.

Танэ. Слова *танэ* (~ *таанэ* ~ *тана*) и *танэ-йо* обнаруживают себя в песенных произведениях разного плана – в песнях-воспоминаниях, о любви, песнях, посвященных детям, колыбельных:

Унмун-эммэй оридьэгэн-йо йодэм мит эйриэнуннол

Йолуга танэ йога-йо йолуга танэ-аэ...

‘По Колыме-матушке по середине играя, мы кочевали (ходили),

Йолуга танэ йога-йо йолуга танэ-аэ...’

[Игнатьева, 2005, с. 114, с. 115];

Марфанальэ танэ-йо мэтлэниндэ-йо

Йодэгэ танэ-йо шоткорилэк подьогол...

‘Марфуша *танэ-йо* на меня...

посмотрела, *танэ-йо* увидела меня – и только пятки (ее) сверкнули...’

[Там же, с. 117];

Уольэ танэ нумэ льэги таа льэй-йо

Уольэ йунгэ танэ-йоо элибэльэлэк...

‘Ребеночек-*танэ* дома там есть,

Ребеночек – *йунгэ, танэ-йо*, не плачь...’

[Там же, с. 117].

Кроме песен, эти слова заключены во вступительном сегменте народного хороводного танца, именуемого у современных юкагиров *лоңдол*:

Танэ-танэ-танэ-йо

Тынэ-тындэ тындэ-ко...

[Игнатьева, 2005, с. 117].

При записи в 2001 г. от В.Г. Шалугина (1934 г.р.) песни, адресованной ребенку, на вопрос о том, что означает *танэ*, мы получили ответ – «конечно».

Ача Үа, тана, эгэйңук.

Ача Үа, тана, йэдуйик.

Альэндья аалба, унуҢ йургуугэ

ШахалэдиэҢуот гудуйик.

‘Отец¹, *тана*, взгляни
Отец, *тана*, показывайся,
Под горой *Альэндба*, где речной плес,
Лисичкой стань’
[Прокопьева, 2009, текст № 16].

Так же ответила на этот вопрос А.Е. Шадрина. В том же году слово *танэ* впервые встретилось нам в следующем контексте: *ТаН уэрнэ титтэ эмэй йолаат кэбэйльэлги, тАНдиэт йолобудэ эл ньачэдэйги. Тамунгэт ходо льэт тана?* ‘Те дети за матерью пошли, назад так и не вернулись. Поэтому что он будет делать?’ [МА, В.Г. Шалугин]. Буквальный перевод последнего предложения звучит так: «Поэтому как будет же?».

Анализ собранного в последующем материала по слову *танэ* позволяет сделать некоторые выводы о его статусе:

1. Слово выполняет функцию частицы, сходной с русской **же**. В вопросительных предложениях посредством ее акцентируется то, о чем спрашивается, частица подчеркивает вопрос. Может располагаться в начале и в конце вопросительного высказывания:

ХАНидэ хонтоок таанэ? ‘Куда же мы пойдем?’ [МА, 2010, А.Е. Шадрина]; *Йобиш эйрэт, мэт шоБизийэ, таанэ хАНидэ хонтом?* – ‘Когда в лес ходил, я потерялся, куда же пойду?’ [МА 2010, А.Е. Шадрина]; *АдуөнНин нэмдик монтойо таанэ?* ‘Что же я скажу сыну?’ [МА, 2011, Д.П. Борисова (1946 г.р.)]; *Ходо мэт монтэм таанэ?* ‘Как же я скажу?’ [МА, 2011, Д.П. Борисова]; *Таанэ ходо модотоок идьии?* ‘Как же жить теперь будем?’ (МА, 2011, А.Е. Шадрина).

Возможно, с выделением высказывания связан тот факт, что в примерах глаголы 1 л. ед.ч. имеют в окончании показатель *-м*, который может быть усеченным формантом *-мэ*, обычно появляющемся при логическом выделении объекта сообщения, то есть прямого дополнения: *хАНидэ хонтом* ‘куда пойду’ вместо *хАНидэ хонтойэ*, *ходо мэт монтэм* ‘как я скажу’ вместо *ходо мэт монтэйэ*. По правилам юкагирского языка, как было сказано, условием оформления переходных глаголов 1 л. ед.ч. морфологическим показателем *-мэ* является акцентирование объекта сообщения, который в свою очередь принимает показатель *-лэк*. Ср.: Мэт анил иидэт ‘Я поймаю рыбу и ’Мэт анилэк иидэтмэ. ‘Я поймаю (именно) **рыбу**’. Приведенные выше предложения со словом *таанэ* не соответствуют структуре: субъект, объект, предикат, – но грамматическое явление, о котором мы говорим, безусловно, заслуживает внимания в контексте темы актуального членения предложения.

2. *Танэ* также определяется как модальная частица **конечно же (а как же)**, употребляемая для подтверждения того, о чем сообщается:

Таанэ, убуй кэбэсь ‘А как же, правда, ушла’ [МА, 2011, А.Е. Шадрина]; – *Тэт угуйэ уйлНин хонтойэк?* – *Таанэ.* ‘– Ты завтра на работу пойдешь? – Конечно же’ [МА, 2011, Л.Н. Демина (1950 г.р.)]; – *АдиН паай тудэгэт кэбэсь.* – *Таанэ.* – ‘Эта женщина от него ушла. – А как же’ [МА, 2011, Л.Н. Демина].

3. *Танэ* ведет себя как вводное слово **конечно (конечно же)**, выражающее уверенность говорящего в достоверности сообщаемого:

¹ Эту песню В.Г. Шалугин слышал от своей матери. Мать называет ребенка отцом, так как в семье верили, что в новорожденном живет душа *айбиш* ее отца. Согласно верованиям юкагиров, души умерших родственников способны возвращаться, воплотившись в новых членах рода.

– *Мит эпизэнин кэбэйтэйли? – Таанэ, кэбэйтэймэт.* ‘– Мы к бабушке пойдём? – Конечно (а как же), пойдём’ [МА, 2011, Л.Н. Демина].

Об этих же значениях слова *танэ* сообщают носители юкагирского языка. По А.Е. Шадринной, слово применяют «когда говорят о безвыходном положении или поддакивают, соглашаются» [МА, 2011].

В юкагирские песни *танэ* включается в качестве модальной частицы **конечно же, а как же** и вводного слова **конечно**, которое вносит дополнительное модальное значение. Если наши наблюдения верны, то, например, данные образцы можно перевести таким образом (перевод П. Прокопьевой):

Ребёночек, конечно, дома там есть....

<...>

Юкагирским, конечно же,
Тем самым именем назовем...

Ср.: Ребёночек-*танэ* дома там есть...

<...>

Юкагирским-*йо*, *танэ-йой*,
Тем самым именем назовем...
[Игнатъева, 2005, с. 117];

Состарившись, от старости,
Убегал я, конечно же,
Старость догнала.

Ср.:

Состарившись, *йо*, от старости,
Убегал я, *танэ-йо*,
Старость догнала
[Прокопьева, 2009, с. 117].

Песенные произведения избилуют также модальным словом *танэ-йо*, которое в силу присутствия элемента *йо* обладает большей экспрессивностью по сравнению с *танэ* и с учетом того, что *танэ* является модальной частицей **конечно же (а как же)** и вводным словом **конечно (конечно же)**, переводится как ‘ну, конечно же’. А.Е. Шадрина считает, что, «*танэ-йо*, *танэ* я бы перевела вроде ‘так должно быть’» [МА, 2011].

Переводы носителями языка вопросительных предложений со словом *танэ-йо* тоже свидетельствуют о его эмоционально-экспрессивной окраске:

Танэ-йо, ха Нидэ кэбэйттоок? ‘О, куда же пойдём?’ [МА 2011, А.Е. Шадрина];

Танэ-йо, ходо хонтом? ‘О, как же я пойду?’ [МА 2011, А.Е. Шадрина].

Относительно песенных выражений *йөулугэ танэ*, *иллугэ танэ* наша информант сказала, что первое перевела бы как ‘конечно, скучаю, люблю’, второе – как ‘конечно, скучаю’ [МА, 2012].

Слово *танэ-йо* имеется и в запеве первой части хороводного танца юкагиров (вторая часть – собственно танец [Игнатъева, 2005, с. 100–101]). Как известно, во вступлении к танцу запевала выкрикивает слова, которые танцоры повторяют. С точки зрения М.Я. Жорницкой, запев «служит призывом к желающим встать в круг» (цитата по: [Игнатъева, 2005, с. 100]). По нашему мнению, слово *танэ-йо* в запеве хоровода приближается к смыслу ‘ну, конечно же’. Этот возглас, вероятно, придавал утвердительный оттенок высказываниям, внося также элемент экспрессии.

В обобщение сказанного сделаем следующие основные выводы. Припевные слова в фольклорных песнях лесных юкагиров – это модальные и междометные слова, вследствие чего они имеют ослабленное лексическое значение. Слова *йѳулугэ, йѳулугэ-йѳо, шилугэ, шилугэ-йѳо* типичны для жанра лирической песни, где автор сокрушается о прошедшей молодости, рассказывает о том, что ему мило и дорого, воспеваает любимых людей. Эти слова призваны создать особый эмоциональный фон в произведениях, передать чувства и переживания исполнителя, связанные с тем, о чем он поет. Они могут нести смыслообразительную функцию по отношению к содержанию, их частотность в тексте зависит от темы песни. В юкагирском языке слово *танэ*, во-первых, является усилительной частицей *же*, которая выделяет высказывание, акцентирует внимание на нем, во-вторых, модальным словом *конечно же*, а как *же* со значением утверждения, в-третьих, вводным словом *конечно*, которое выражает уверенное утверждение. Модальное слово *танэ-йѳо* имеет эмоционально-экспрессивный оттенок, его наиболее адекватный перевод обуславливается тем, с каким словом устанавливается связь: модальным утвердительным словом или вводным словом со значением модальности. В песнях и хороводном танце *танэ* и *танэ-йѳо* используются для подтверждения высказывания.

Литература

- Игнатъева Т.И. Музыкальный фольклор юкагиров // Фольклор юкагиров. Сост. Г.Н. Курилов. М.; Новосибирск, 2005. С. 45–123. (Сер.: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25).
- Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск, 2005.
- Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск, 2005.
- Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Ч. I. Якутск, 1989.
- Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский. СПб., 2002.
- Спиридонов В.К. Русско-юкагирский словарь. Якутск, 1997.
- Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск, 2009.
- Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 2001.
- Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М., 2002.